

ТУРКЕСТАНСКАЯ ТРАГЕДИЯ

В этом выпуске мы начинаем публикацию повести «Туркестанская трагедия». Её автор — Валентин Яковлевич Мельников, перу которого принадлежат и поэтические сборники, и произведения, написанные в жанре басни, притчи, сказки. Литературный дар проявился у В. Мельникова в достаточно зрелом возрасте и стал одним из способов самовыражения, мировоззрения и самопознания. Эта повесть — основанный на архивных документах обзор одной из самых трагических страниц нашей истории — Уркун. Автор попытался взглянуть на события через призму времени, взвешенно и объективно, с использованием литературно-художественных приёмов, и, на мой взгляд, ему это удалось. Неоценимую помощь в подборе исторических материалов оказала директор издательства КРСУ Л. Тарасова. Фотографии с сайтов topwar.ru, akipress.org.

Ирина ПРОКОФЬЕВА.

История кыргызско-российских отношений не укладывается в обычную схему дипломатии. Главное отличие в том, что исходной точкой были не межгосударственные отношения, а консолидированные устремления, постепенно вызревавшие в кыргызской племенной элите. Суть их состояла в поиске сильного союзника, способного защитить от внешнего нашествия и феодальных междоусобных распрей. Взоры патриотической верхушки естественным образом обращались к могучей России, равноудалённой от мирных и немирных соседей. Чтобы понять, насколько важными для кыргызов были связи с Россией, нужно хотя бы вкратце проанализировать обстановку вокруг кыргызских земель, начиная с раннего средневековья.

Городской базар, 1906 г.

В тот период относительное благополучие сохранял лишь главный кыргызский племенной союз — государство Караханидов (X-XII вв.). Остальные родственные племена отставали в культурном и экономическом развитии. Однако нашествие кара-китаев, Чингисхана, а затем и Тимура, явившегося из пределов Мавераннахра, привело к полному разгрому государства. Но тяжкие испытания кыргызов на том не кончились: усилился гнёт моголистанских ханов, участились набеги калмыцких феодалов, ширилась экспансия Китайской империи, захватившей Прииссыккулье. Росла угроза порабощения и со стороны Кокандского ханства, которое от отдельных набегов на Чуйскую долину перешло к полному её завоеванию. В первой четверти XIX столетия кокандские войска под предводительством хана Ляшкар Кушбеги оккупировали Чуйскую долину и для поддержания своего господства укрепили старую Пишпекскую крепость, превратив её в удобный форпост. Стратегическое значение Пишпекской крепости усиливалось благодаря дороге на Ташкент и сходу торговых и скотопробгонных путей. Само поселение Пишпек представляло собой теснящееся за крепостными стенами беспорядочное скопище туземных кибиток и лавок кокандских торговцев, домов военачальников и сборщиков податей, соседствовавших с казармами и военными складами.

В середине XIX века обострилась борьба между племенами бугу и сарыбагыш. Постоянными набегами сарыбагыши вытесняли бугинцев с плодородных земель в восточном Прииссыккулье, и те вынуждены были бежать в безопасные места в долинах казахских рек Кеген и Текес. Под давлением этих обстоятельств бугинцы стали одними из первых, кто вступил на путь сближения с Россией. Костяк их составляла родственная группа, именовавшаяся джельден. Родоначальником её считается Туума-кашка — сын знатного человека по имени Алсеит и пленной калмычки Чеджимджен. Прапрадедом Алсеита был Тагай — родоначальник одного из крупнейших делений у кыргызов. Алсеит сделал рабыню своей наложницей, а родившегося у неё ребёнка признал своим сыном. Сама Чеджимджен, согласно языческим верованиям кыргызов, стала персонажем легенды о Рогатой матери-оленихе, поскольку якобы произошла от оленей. Бугинцы считали её своей прародительницей («бугу» по-кыргызски — «олень»). Что касается родового названия «джельден», то оно генеалогически восходит к человеку с таким именем —

одному из сыновей Туума-кашки по имени Каракозу. Впоследствии джельденами стали называть не только прямых потомков Джельдена, но и других родичей.

В 1814 году совет старейшин племени бугу единогласно решил направить в Россию своих представителей для переговоров о вхождении в подданство русского царя. Делегация отбыла в город Тобольск к генерал-губернатору Западной Сибири. Но конкретной договорённости не было достигнуто, и через десять лет бугинцы направили ещё одну делегацию — на этот раз в Омск. Ходатайство бугинцев было принято, и в знак признания делегацию в обратный путь сопровождал небольшой отряд во главе с хорунжим Нюхаловым. Однако потребовалось ещё 30 лет для окончательного решения вопроса о подданстве бугинцев в составе вновь образованного Алатавского административного округа. Дипломатическая инициатива бугинцев была не единственной. Об отправке своего посольства заявило и другое исык-кульское племя — сарыбагыш.

Переправа через Ак-Бууру

Первое посольство сарыбагышей

Зима люто хозяйничала на сибирских просторах. Солнце светило недолго и скупо, плотный морозный воздух сбивал дыхание, оседал узорчатым инеем на ветвях деревьев, конских крупах и воротах шуб всадников из посольского обоза. Кони устало топтали хрусткий наст, треск его был единственным звуком в белой пустыне. Путники не подгоняли коней, те и сами чувствовали, что нужно поскорее, дотемна добраться до тёплого жилья.

Посольский обоз сопровождал офицер сибирского драгунского полка с подорожной грамотой, обязывающей местных жителей оказывать содействие посольству кыргызов. Офицер ехал в санях, завернувшись в нагольный тулуп и накрывшись волчьей шкурой. Впереди трусили верхами Абдрахман Кучаков и Шергазы — доверенные лица правителя многочисленного племени сарыбагыш — бия Атаке баатыра. Это были люди, умеющие вести переговоры и знающие толк в торговых делах. Путь их лежал в Санкт-Петербург. С собой везли послание императрице Екатерине и сибирскому правительству.

Говорят, события — хлеб истории. Это правда. Но ещё не факт, что этот хлеб всегда полезен и вкусен. Может горчить, киснуть, сыреть изнутри. Конечно, так бывает только у плохих хлебопёков. А какими мастерами окажутся те, кто подтолкнул соплеменников в объятия малознакомой огромной страны? Трудно сказать на будущее. Но теперь... разве есть другой выход? Кыргызские племена слабы и разобщены, нет мира не только с казахами, но и с близкими соплеменниками. А тут ещё постоянные набеги джунгарских ойратов, китайцев, кокандцев. Поработили Семиречье, добираются до Иссык-Куля, Оша, Узгена... Кыргызскому народу нечего противопоставить захватчикам. Значит, надо просить помощи у сильных. Так думал Атаке баатыр и всё твёрже уверялся в своей правоте. Его мысли обращались к огромной стране, которую называют Россией и которой управляет умная женщина. Страна эта расположена далеко от кыргызских кочевий. И поэтому ей нет смысла нападать на нас, выгоднее дружить с нами и бороться против общих врагов. Пора объединиться под крылом России. Направим туда полномочное посольство с подарками и грамотой о вхождении в состав России, а окончательное решение оставим за курултаем. ...Все — молодёжь и аксакалы внимательно слушали Атаке баатыра. Всем запомнились его слова: «Россия — сильная страна. Все боятся нападать на неё, потому что не смогут победить. Русские защищают тех, кто хочет дружить с ними. Мы идём не в рабство, а ради защиты. Если будем вместе, никто не посмеет даже пальцем тронуть нас. Так говорят наши купцы, знающие люди. Давайте поверим им».

Курултай одобрил обращение к российской императрице о вхождении в состав России кыргызского племени сарыбагыш.

Через месяц холодным январским днём медленный обоз добрался до резиденции сибирского генерал-губернатора. Оттуда повернули на Санкт-Петербург.

Чиновники Высочайшего двора не заставили долго ждать аудиенции. Постарались побыстрее навести справки о политическом, хозяйственном положении кыргызов и оценили выгоду России от государственного сближения с ними. Выводы оказались благоприятными, и царица, выслушав доклад, начертала резолюцию:

«Приём их полагаю не только не излишним, но делом полезным, тем паче, что посредством таковой присылки сии чиновные отдалённых орд могут ближе с нами познакомиться и будут оказывать готовность к доброй воле и тем услугам, в которых заинтересована Россия». Императрица проявила благосклонность к послам с далёкого Тянь-Шаня и поблагодарила их за визит в присутствии европейских особ. Здесь же в зале приёмов Зимнего дворца советник по внешней политике князь Безбородко огласил послание императрицы Верховному правителю сарыбагышей Атаке баатыру, а посол Абдрахман Кучаков в свою очередь зачитал послание от Атаке баатыра с извещением о подарках от собственного лица. Императрица

«отдарилась» 500 рублями — бию Атаке, «сотенной» — послу Абдрахману Кучакову и «четвертной» — Шергазы. По тем временам деньги немалые.

23 января 1787 года член Совета при Высочайшем дворе князь Вяземский отправил от имени Екатерины ответное послание бию Атаке, в котором сообщил, что предложение кыргызской стороны о вхождении её в состав России принимается и ему будет дан ход. В том же послании князь просил кыргызскую сторону оказывать «вспомоществование» в российской торговле.

Процесс сближения с Россией пошёл. Однако от официального вхождения в состав России сарыбагышей отделяли долгие десятилетия. В подобных деликатных случаях государственная машина предпочитает не спешить. Но скоро политику в отношении Центральной Азии пришлось поправить по причине обострения соперничества с Англией и Турцией за рынки сбыта, сырьевые ресурсы и доступ к колониальной экономике. А для России источником беспокойства была ещё и безопасность своих юго-восточных границ.

К середине XIX столетия препятствий к вхождению кыргызских земель в состав России не осталось. Кыргызы получили российское подданство и военную защиту. 4 октября 1860 года верненский военный отряд поддержал восстание кыргызов против кокандцев и вместе с дружиной Байтик баатыра штурмом взял крепость Пишпек и изгнал кокандцев из Чуйской долины. С их засильем было покончено навсегда.

Важные события произошли и в политической жизни. 13 мая 1878 года в Пишпек из Токмака было переведено уездное управление, и с этой датой официально стало связываться основание столичного города Пишпека. На первых порах он мало чем отличался от деревенских поселений Чуйской долины — такие же саманные или глинобитные дома, крытые камышом или дёрном крыши, пыльные немощёные улицы, арыки, надворные колодцы. И полное отсутствие водопровода.

Пройдёт несколько десятилетий, и кыргызские земли обретут государственный статус.

Кыргызы-кочевники. XIX в.

Семья

В роду у Дмитрия Кузьмича Николаева не было военных. А происходил он из семьи мелкого губернского чиновника. Однако по пути родителя не пошёл. Окончил Оренбургское юнкерское училище и получил назначение в туркестанский линейный стрелковый батальон. Там дослужился до должности командира роты, затем был направлен на вакантную офицерскую должность в городе Оше.

На осенних полковых учениях поручик Николаев опасно простудился и срочно был направлен на лечение в военный госпиталь к молодому терапевту Махабат Рузиевой. Дмитрий скучал в своей палате и с нетерпением ждал врачебного обхода, вносящего хоть какое-то разнообразие в скучный больничный распорядок. Но главное было всё-таки не в этом — он с безотчётным волнением и тайной радостью ждал появления Махабат. В подразделении Николаева было немало солдат кыргызской национальности, и благодаря им он довольно сносно усвоил кыргызскую речь на бытовом уровне, знал, что Махабат — это «любовь» в переводе на русский язык, и в первый же день стал называть её Любашей. Закончив обход, врачи расходились по своим местам, но Махабат-Любаша не спешила расставаться, находила причину побыть ещё немножко с больным.

В один из вечеров Дмитрий, осмелившись, предложил Махабат стать его женой, но она вначале не восприняла это всерьёз.

— Поверьте, я говорю серьёзно, и вам нечего бояться.

— Нет, есть чего. Брачные союзы кыргызов с русскими очень редки. У нас разные обычаи и традиции.

— Но вы-то совсем другая.

— Да, я исключение, и за это спасибо моим родителям. Сами выбились в люди, и мне помогли. Им повезло, оба с детства росли у богатого русского купца Александра Евграфовича Мостового и у него научились правильной русской речи, получили хорошее образование и воспитание. Устроились на работу в городе. Поженились по любви, без калыма и прочих церемоний. При всём при том у папы, помимо кыргызских, были уйгурские корни, а у маминой бабушки — таджикские.

— У вас всё имеется: образование, хорошая специальность, государственное содержание... И я благословляю болезнь, познакомившую нас... Не молчите же, а то приму это за недобрый знак, начну думать, что у вас кто-то есть. Не опоздал ли я?

Махабат снова промолчала. Лицо её осветилось быстрой лукавой улыбкой: понимай, мол, как хочешь. И он понял — его ждёт великий подарок судьбы!

...Восток аккуратно добавил Махабат своих красок и ни в чём не переборщил — ни в чуть вытянутом овале лица, ни в миндалинах глаз, ни в подтянутой фигуре. Её красота была как обруч, скрепляющий не до конца устоявшуюся любовь.

Махабат родила сына. Дмитрию хотелось назвать его Алексеем. Съехавшиеся родственники немного поспорили, но волю отца поддержали.

К двадцати годам Алексей вырос в крепкого парня, немного скуластого и смугловатого. Он, как и отец, сам избрал стезю офицера; окончил Ташкентский университет со степенью кандидата военных наук. Овладел, помимо русского, кыргызским, узбекским и английским языками. Командование пошло навстречу — направило служить в Ошский гарнизон.

Служба самого Дмитрия Кузьмича шла успешно. К пятидесяти годам, отучившись в офицерской школе, он стал начальником Памирского отряда, потом ошским уездным начальником. Во все годы службы он активно пропагандировал научные исследования Тянь-Шаньских гор; предпринял два путешествия по Алаю и Памиру. Благодаря его поддержке в офицерском собрании Оша выступали с докладами известные русские землепроходцы, действовал постоянный лекторий по краеведению. Молодые офицеры, прибывшие на службу в Ош, чуть ли не с первых дней приглашались к участию в исследовательских работах, изучению местных наречий, нравов и обычаев. При содействии русских военных в Оше появились своя метеостанция, пункт ветеринарного надзора, сейсмическая станция; проводились занятия на курсах по хлопководству и пчеловодству. Гостеприимный дом Николаевых был почитаем гостями. Здесь собирались люди разных возрастов, но чаще молодёжь — друзья Алексея. Чаёвничали со сладкой выпечкой, музицировали, читали стихи, проводили диспуты.

Территориальные приобретения Китая в Тибете и в провинции Синьцзян накладывали тревожный отпечаток на восточную границу России. Здесь сходились интересы трёх держав — России, Англии и Китая. Надо было постоянно заботиться о своей безопасности. При настойчивом участии Николаева были возведены военные укрепления, проложены дороги и телеграфные линии, открыто регулярное

почтовое сообщение между российским Ошем и китайским Кашгаром. Дмитрий Кузьмич много раз объезжал военные объекты, вникал во все дела и старался получать оперативную информацию из первых рук.

Казалось бы, вот оно полное счастье и другого не надо. Но судьба нанесла жестокий удар. На оживлённой улице, что вблизи базарной площади, лихая купеческая пролётка насмерть сбила Махабат. Родной дом опустел. Радушные хозяева больше не встречали гостей. «Нет мочи жить здесь, — думал бессонными ночами Дмитрий Кузьмич. — Надо уезжать. Но куда?»

Смерть жены перевернула всю его жизнь. Дмитрий Кузьмич постарел и редко выходил из дома. Слава Богу, уже был в отставке и мог свободно распоряжаться своим временем. Но затворничество не помогало, стало ухудшаться здоровье.

— Надеюсь, что дома отойду, — как-то пожаловался сыну, — ан нет, не могу. Уехать куда-нибудь, что ли... чтоб не будоражить себя каждый день.

— А что это даст? По крайней мере, здесь я с тобой, друзья, товарищи. Надо подыскать тебе какое-нибудь хорошее занятие. Похорохоримся... по старой привычке.

Дела нашлись, и все интересные: рыбалка на Ак-Бууре, археологические раскопки на старом городище и на Чаян-Тепе, работа в гарнизонном совете ветеранов, куда его избрали после ухода в отставку.

Но то, что предложил Терентий Зайцев, исследователь и бродяга, ни с чем не шло в сравнение. Пробудилась душа странника и позвала за собой. Как-то ночью Дмитрий долго не мог уснуть. Не покидали мысли о путешествии. Тогда и решил — отбросить все колебания и идти, идти... Наутро отправил письмо другу с выражением благодарности и согласия. Между прочим намекнул, что хотел бы взять с собой сына. Правда, с ним ещё не говорил, поскольку не уверен относительно принятия своей идеи. Согласие последовало. Осталось поговорить с Алексеем. Может стать, будет отговаривать, ссылаясь на возраст и здоровье. Но сын так не думал, ничто для него не было препятствием.

— Ты ещё не такой старый, да и здоровьем крепок, — говорил он. -Не отказывайся. И возьми меня в помощники.

— Значит, согласен? Я рад. Втайне надеялся, что ты поступишь именно так. Не сомневаюсь, будешь хорошим помощником и многому научишься. Только вот... деликатный вопрос. Барышня, с которой ты каждый день встречаешься ...она-то как отнесётся к твоему долговому отсутствию? Согласится ли ждать?

— Не знаю. Но постараюсь ей всё объяснить. Если любит — подождёт.

— Дай Бог. Но всё-таки сильно не надейся. Время не только лечит, но и ломает...

Наконец, всё уладилось. Из Оша через Уч-Турфан отец и сын верхами добрались до Пржевальска, где 6 июня 1915 года соединились с экспедицией Терентия Зайцева.

Отыскание, проверка качества и закупка у заранее извещённых торговцев всего необходимого для экспедиционного употребления оставили всего полдня на

обозрение маленького городка, встретившего путешественников домишками из азиатского самана. Однако улицы были сплошь европейской планировки — прямые и достаточно широкие, заботливо озеленённые. Дотоле Дмитрий Кузьмич, за годы службы немало поездивший по Центральной Азии, совершенно не подозревал, что к азиатским корням города так быстро и разумно добавятся европейские черты. Пржевальск по-сыновнему прильнул к восточной оконечности бирюзового озера и с трёх сторон глядит на величественные вершины Тянь-Шаня. Не эта ли природная красота, окружающая город, так привлекала к нему Н. Пржевальского, П. Семёнова-Тян-Шанского и других прославленных путешественников? Отсюда уходили и сюда возвращались усталые караваны русских землепроходцев. Первым среди них по длительности пребывания в Караколе был Пржевальский. В свою последнюю экспедицию великий путешественник намеревался отправиться именно отсюда. Исходный пункт путешествия надлежало покинуть осенью 1888 года, и дальше маршрут должен был, пройдя через Тянь-Шаньские горы, достигнуть северо-западной части Тибета с городом Лхасой. Исследовательскую работу там предполагалось закончить осенью 1890 года. Но этому плану не суждено было сбыться. Выехав из города Верного и подъезжая к Пишпеку, Николай Михайлович увидел в камышах и кустарниках по течению реки Чу великое множество дичи. Выиграла страстная натура охотника. Хорошая добыча и жаркая погода разгорячили стрелка, и он несколько раз пил воду из реки, не зная, что сырая вода может быть заражена ходившим здесь брюшным тифом. Через две недели коварная болезнь проявила себя. Больному изо дня в день становилось хуже, и его поместили в барак каракольского военного лазарета, где 20 октября (1 ноября) 1888 года в 9 утра он скончался. Спутники по жизни выполнили последнюю волю покойного — похоронить непременно на берегу Иссык-Куля, в походной экспедиционной форме, со скромной надписью на могиле: «Путешественник Пржевальский».

В его честь маленький иссык-кульский город был переименован в Пржевальск. Сохранился барак, в котором скончался великий землепроходец, с медной доской, имеющей надпись: «Генерал-майор Пржевальский». 26 июня 1894 года состоялось открытие памятника Пржевальскому, сложенного в виде скалы из глыб местного гранита. Скала увенчана бронзовым орлом — символом ума и бесстрашия. В клюве орла — оливковая ветвь, в когтях — бронзовая карта Центральной Азии.

Валентин МЕЛЬНИКОВ.

ТУРКЕСТАНСКАЯ ТРАГЕДИЯ, Ч. II

Стоя у памятника, взволнованный до глубины души, Алексей ещё раз с радостью и гордостью утвердился в добром величии России, коль скоро она способна рождать таких героев.

Придёт время, неподалеку от знаменитого памятника появится Иссык-Кульский мемориальный комплекс Н. Пржевальского.

Быть в Пржевальске и не посетить Иссык-Куль просто невозможно. Красота озера очаровывает и неотразимо увлекает. Впечатлительная душа Алексея приняла на вечное хранение эту первую, с романтическим восторгом, встречу с прекрасным творением природы. Когда ещё доведётся снова увидеться с ним?

Дальнейший маршрут экспедиции пролегал по горным теснинам Восточного Тянь-Шаня, нацеливаясь на верховья его главной могучей реки Сары-Джаз с притоками Иныльчек и Каинды и далее к великим ледникам, питающим эти реки.

Оставив позади северо-восточную окраину Пржевальска, дорога петляет, карабкаясь вверх по опасным, узким проходам. Влажный, умеренный климат Иссык-Куля быстро сменяется зимней суровостью. В низовьях уже близилось лето. Ноздреватые языки тающего снега стекали по склонам сверкающими на солнце ручьями и в ущельях соединялись в бурные потоки. С тающим снегом сходили вниз и серые щебнистые осыпи, кое-где засыпая и делая непроходимыми едва обозначенные тропы. А по южным склонам на крохотных полянках выглядывали из-под снега нежные фиалки, желтели побеги бетеге — травы, служащей главным кормом козерогам и архарам.

Приехали в последний айыл с несколькими кибитками. Дальше, по словам жителей, поселений не будет. Терентий Ильич распорядился устраиваться на ночёвку. Алексей собирает дрова для костра, Дмитрий Кузьмич закладывает мясо в котёл, четверо других товарищей (студенты) ставят палатки, запасают на ночь дрова, моют овощи. Терентий Ильич заполняет дневник, уточняет на карте маршрут движения.

Ещё несколько переходов с ночёвками, и вот экспедиция у цели. Катит быстрые воды, бушует река Иныльчек. Воздух насыщен холодом ледниковых струй. Растительность пустынная — низкорослые колючие кустарники, тамариск, жёсткие травы. А на самом верху речной долины — приполярная тундра. 3000 метров над уровнем моря, рукой подать до гигантских ледников, запертых моренами и

каменистыми отложениями, меняющими русло реки. Крупнейшие из этих ледников названы именами Мушкетова и Семёнова. На белом фоне снегов — талая вода небольших озёр. Они как бирюзовое украшение на груди высочайших пиков-семи тысячников: Победы, Хан-Тенгри, Кан-Тоо.

В долине реки Каинды, в начальном её стоке, ландшафт богат и разнообразен. Обширные альпийские луга, простираются заросли туркестанской берёзы, тополя, облепихи, тальника. Здесь проточены каньоны Сары-Джаза, удивительные в своём величии и дикости. Пронзив хребет Кокшаал-Тоо, они обильно поят водой густонаселённые оазисы Таримской низменности в Китае. Путешественники из жаркого Оша не раз застывали на месте, любясь пейзажами, один другого прекраснее. Особенно восхищали отполированные ревушей водой каменные русла, где в песок превращаются огромные валуны. Вот когда впервые почувствовал Алексей, что такое нетронутая красота и могущество природы! Любимым занятием его стало терпеливое наблюдение с биноклем. В окуляры то и дело попадали, интересные сценки: вот лиса погналась за зайцем, на открытое место вышла стайка куропаток; пробежали и скрылись в траве горные индейки — улары; вспорхнул столбом нарядный фазан... А вот и награда за терпение — скользкая пробежка барса к скале, под которой, видимо, облюбован его скрадок. Наконец, в окуляры бинокля попали марал и Тянь-Шаньский медведь.

Однажды у костра в еловом лесочке, где устроила свой бивак экспедиция, Алексей поинтересовался результатами, кои должны проистечь из их путешествия. Ведь не ради же одного удовольствия явились сюда.

Отец промедлил с ответом. Вмешался Терентий Ильич.

— Видишь ли, Алексей Дмитрич, — сказал он, — так уж исторически сложилось, что огромные материковые пространства Центральной Азии с ростом прогресса не могли более оставаться затерянным миром, грозящим то ли добром, то ли несчастьем. Россия первой начала продвижение в этом направлении. Одна за другой стали отправляться экспедиции в Тянь-Шань, на Памир, озеро Иссык-Куль, в Кашгарскую котловину — к оазисам в пустыне Такла-Макан. Научные путешествия взяли в свои руки высокообразованные офицеры Генерального штаба России. Терпя суровые лишения в походах, подвергаясь многим опасностям, они проделали огромную работу — собрали большой важности научные материалы о природе и этнографии, провели геодезические съёмки, дополнили ботанические и орнитологические коллекции. Стараниями русских первопроходцев Россия вышла победительницей в русско-английском споре за Памир, закрепила за собой большую часть этого края, а также припамирские владения — Рошан, Дарваз, Бадахшан, Каратегин. За нами остались центр Тянь-Шаня, его высочайшие хребты и крупнейшие ледники, находящиеся в непосредственной близости от китайской границы. Уверен, великое будущее этих гор и ледников по достоинству оценят наши потомки.

...Обработка собранных материалов, упаковка коллекций, набивка чучел, приведение в порядок походных дневников затянулись до осени, а трудности перехода через заснеженные горы потребовали ещё задержать на некоторое время возвращение домой.

На первый взгляд, Пржевальск жил обычной жизнью. Но откуда-то сквозняком налетали предвестники кризиса и смуты. Растущий поток переселенцев из России

требовал всё новых земельных наделов под хлеба, а на сенокосы и пастбища подчас не оставалось даже десятины (мера земельной площади, равная 1,09 гектара). Несмотря на это, для раздачи переселенцам из пользования коренного населения продолжали изыматься большие площади пахотных земель, обрекая его на бедственное положение, которое ещё больше усугубляли непосильные налоги, подати и сборы, взимавшиеся местной администрацией с явными злоупотреблениями в свою пользу, что, естественно, вызывало протесты у кочевников. Однако переселенцы в массе своей объективно не были заинтересованы в ущемлении прав коренных жителей, так как сами испытывали тяготы в хозяйственном обустройстве, нуждались в добрососедских отношениях. К тому же русские крестьяне приносили в хозяйственную деятельность кыргызов более высокую культуру. До появления переселенцев основным занятием кыргызского населения было экстенсивное кочевое животноводство. Помещений для скота не строили, их заменяли загоны без крыши и со стенами из глины, камней и веток. Посевы были на маленьких участках, в среднем около полутора десятин. У бедняцких хозяйств размеры запашки были ещё меньше. При всеобщей отсталости даже самые старательные землепользователи не могли обработать больше двух десятин земли.

Памятник Пржевальскому и этапы его строительства

У многих же посевы измерялись не десятинами, а количеством зерна, умещавшегося в войлочной шляпе — калпаке. В качестве борон использовались связки ветвей барбариса либо облепихи. Сеяли вручную, косили самодельными серпами — ороками. На обмолоте гоняли лошадей или быков по кругу. Зерно мололи вручную на каменных кругах или толкли в ступках. Под влиянием русского населения примитивные орудия постепенно заменялись более совершенными. Появлялись железные плуги, бороны, косы-литовки, колёсный гужевого транспорт. Начали производиться посевы люцерны и клевера с сенозаготовками, строились утеплённые помещения для скота. Рядом с зимними стойбищами возникали селения с более высоким уровнем домашнего и хозяйственного быта. Первое русское поселение в Прииссыккулье — город Каракол — возникло в 1868 году. Затем были построены сёла Преображенское (ныне Тюп), Теплоключенское (ныне Ак-Суу), Сливкино (ныне Покровское) и другие. Появился ряд кыргызских селений, самые крупные из них — Дархан и Чычкан.

Вызревание новых экономических и политических условий вело к расслоению населения на бедных и богатых, порождало хитроумные способы эксплуатации. Богатые скотоводы раздавали на выпас дойный скот неимущим беднякам, откупаясь за это мелкими подачками в виде молока и шерсти. Эта раздача, называвшаяся саан, прикрывалась родственными отношениями и выдавалась как благодеяние, за которое бедняцкие семьи трудились на хозяина с утра до ночи. Особенно тяжёлым было положение безземельных батраков, число которых быстро возрастало. Вот примерный пересказ своей жизни батрака Данияра Саякова, жителя Заукинской волости.

Его отец Саяк и шестеро братьев работали батраками у зажиточного хозяина Антона Бодягина и его сыновей Ивана и Степана, живших в Покровке. У Бодягина было 50 десятин земли, магазин, мельница, 60 лошадей и несколько сот овец. У Саяка не было ни скота, ни земли. Имелась только старая юрта, в которой скученно жила большая семья. Работали с восхода до заката солнца: обрабатывали хозяйскую землю, пасли скот, обслуживали домашнее хозяйство. Жить было очень трудно, впроголодь, ели в основном болтушку из муки. Уйдя от Бодягина, Данияр стал работать у бая Чекир-ажи. Здесь было ещё тяжелее. С новым батраком бай обращался как с собакой, унижал, давал рваную одежду, платил копейки. Не выдержав, Данияр убежал в Каракол, где нанялся к купцу Сабиту. Не имея средств на калым, бедняк долго не мог жениться.

Зажиточная верхушка скотоводов не хотела терять дешёвую рабочую силу и разжигала среди тёмного населения вражду к русским переселенцам. Внушалось, что перешедшие на осёдлость бедняки превратятся в русских и будут молиться в церкви. Не все верили этим слухам и вопреки им вступали в сельские общества земледельцев. Там новоприбывших наделяли наравне с русскими новосёлами землёй по норме 9,75 десятины. Кроме того, выделялся участок в размере 0,5 десятины. Для выпаса скота отводился общественный выгон. Создавались артели, приобретавшие в складчину всё необходимое для пахоты и сева. Таких утвердившихся хозяев сами кыргызы называли крестьянами («кересиян»). К сожалению, они были малочисленны и не меняли общей картины.

Ступени восстания

На первом временном отрезке истории вхождение кыргызских земель в состав России было благом для обеих сторон. Но позднее, хозяйничая в чужом доме, гость повёл себя неосмотрительно и неблагодарно, насаждая идеи превосходства старшего брата над младшим. Даже в самые трагические дни туркестанский генерал-губернатор Куропаткин в одной из своих речей поделил народ на старших и младших братьев и недоумевал, почему мусульманское население в течение последних 50 лет с их бурными событиями оставалось покорным, а теперь вдруг готово испортить своё хорошее прошлое. Ответ на этот вопрос ни Куропаткин, ни другие монархисты так и не нашли, и в этом их беда. Восстание, его стремительное распространение, жестокий характер на многое проливают свет. Не было ни дня, ни ночи, когда бы возбуждённые толпы с палками и камнями в руках не нападали на призывные пункты, требуя выдачи призывных листов с фамилиями мобилизуемых. При защите одного из пунктов казаки произвели винтовочный залп, от которого погибли 16 человек и несколько получили ранения. Это уже не было случайной стычкой. Это было начало... начало чего? Обильно пролитая кровь означала только одно: мятеж, исключительный в своей беспощадности. Нападения, которых стало значительно больше, учили молодёжь умению быстро собираться и правильно атаковать намеченные объекты, свирепо расправляться с сопротивляющимися и поддерживать дисциплину. Это способствовало одновременному и широкому началу восстания. Подобное могло бы не случиться, если бы царское руководство безотлагательно отменило закон от 25 июля 1916 года о призыве «инородцев» на военно-тыловые работы. Но этого не было сделано.

И вот как развивались дальнейшие события. Накануне руководители восстания — а они были в каждом айыле — выехали в горы и оттуда прислали своих представителей для привлечения всех кыргызов к восстанию. Уговаривали собраться в горах, где обсудить детали и организованным скопом, по сигналам

дымных костров ударить по русским сёлам на побережье. Байским представителям где обманом, где угрозами, а где и принуждением удалось склонить кыргызов к массовому восстанию.

10 августа 1916 года одновременно и во многих местах началась кровавая бойня. Мирных земледельцев убивали в подворьях, на хлебных полях, где шла массовая уборка богатого в тот год урожая. Стена ненависти отгородила друг от друга доселе ни в чём не повинных людей. Встают вопросы: зачем, почему? Может, всё дело в особой философии кочевников? Действительно, в не столь отдалённое по историческим меркам время на степных просторах Центральной Азии, Сибири, Прикаспия, Поволжья обитали разноплеменные сообщества, объединённые одним главным признаком — все они были кочевниками. Появление их истории связывают с эпохой раннего железа, выплавка и обработка которого повлекли за собой усложнение других ремёсел, а потом и постепенное отделение их от земледелия и скотоводства. Это крупное общественное разделение труда происходило, по всей вероятности, параллельно с переходом от пастушеско-земледельческих форм к кочевому и полукочевому скотоводству, что оказало огромное влияние на хозяйственную и культурную жизнь больших масс населения. Кочевое хозяйство как способ производства стало образом жизни номадов, гарантом относительно большей, чем у оседлых сообществ, социальной и личной независимости. В отличие от земледельцев и ремесленников, номады не знали закрепощённости по определённому месту жительства, гнёта державных деспотий, потому что вели подвижный образ жизни, при котором нет нужды возделывать поля и строить дома. Мерилом их благополучия были упитанный скот, большая семья, походная юрта и выносливый конь. Если для крестьян неким философским смыслом жизни, символом родины были земля и отчий дом, то у кочевников в шкале жизненных ценностей на первом месте стояли отгонные выпасы скота и очаг в родной юрте. Круглая юрта, круглый очаг-коломто, круглый тюндюк — вечные источники философии кочевников, представлявших мироустройство как круг с нелинейной ограниченностью в пространстве. Тем не менее это не мешало номадам расширять межплеменное сотрудничество, международные торговые и культурные связи. Процесс становления кочевого скотоводства отнюдь не был гладким. Нарастающая борьба за лучшие пастбища требовала объединения племён, организации на военный лад, а подчас и героических усилий. Бесперывные войны и стычки укрепляли воинский дух, утверждали культ силы, служивший моральным оправданием грабительских набегов на земли соседей. Открытые просторы степей манили кочевников кажущейся доступностью и неизведанными богатствами.

Тот самый указ о мобилизации на тыловые работы

Восстание

К середине июля 1916 года повсеместно, а в Пржевальском уезде более всего, злонамеренная агитация среди мусульманского населения стала перевешивать разъяснения уездной администрации о призыве всего лишь на тыловые работы. Первыми заволновались дунгане и, скрываясь от призыва, группами по 70-80 человек начали уходить в китайские провинции Аксу и Кульджа. Уклонение дунган от службы в рабочих командах за короткое время набрало такую силу, что к бунту неподчинения в большом числе стали присоединяться кыргызы, которые на первых порах не прибегали к грубым противоправным действиям, оставаясь внешне спокойными и подчиняясь распоряжениям властей. Но мусульманские националистические призывы, захват обозов с винтовками ускорили ход событий,

стали соблазнительным спусковым механизмом восстания, первоначально намечавшегося чуть позднее 10 августа 1916 года.

Впечатление о восстании как о внезапном пожаре было ошибочным. Оно назревало исподволь и долго. Айыльные баи и бии, волостные старшины, судьи и муллы тайно настраивали сородичей не подчиняться указаниям белобородых начальников из России, о чём, в частности, доносил руководитель уездного охранного отделения господин Волков. В доме народного судьи Нишанова, сообщал он, состоялось собрание по поводу набора туземцев в рабочие команды. Кто согласится идти туда, говорили провокаторы, станет кафиром (неверным), и его потомки до седьмого колена будут мучиться в аду. И ещё добавляли: рабочие команды поставят под пули впереди солдат, и все погибнут. Ну как неопытной молодёжи не верить слухам, когда звучат убедительные речи аксакалов, мулл, судей и других уважаемых людей, когда о том же говорят на айыльных сходах, на тоях, при случайных встречах...

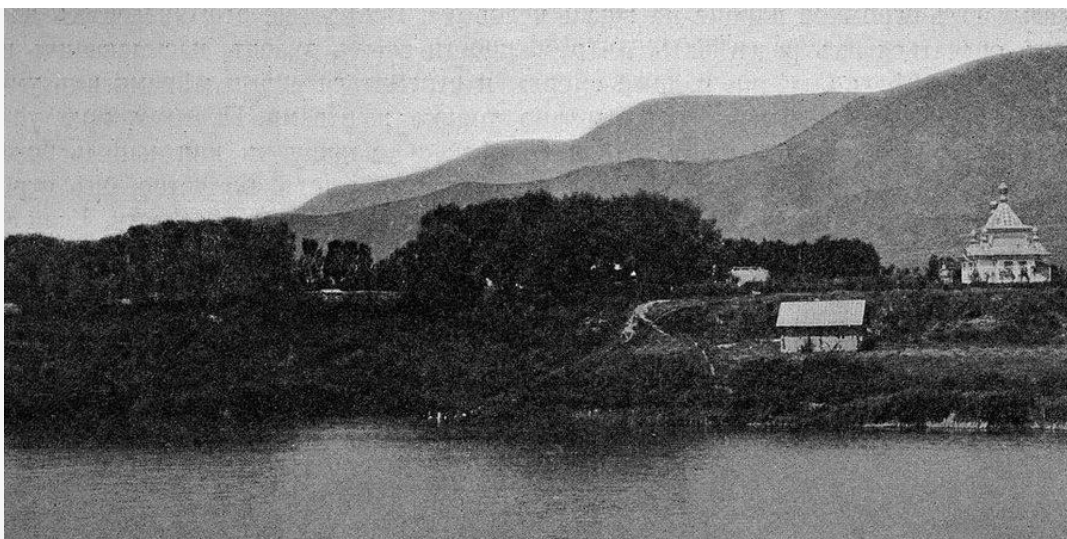
Особенно усердствовали те, кто своим богатством заслужили почтение и высокое положение среди айыльчан. У своих они считались правоверными мусульманами, благодетелями и защитниками народа, а у русских властей — крепкими хозяйственниками. На деньги этих людей приобреталось оружие восстания — ружья, самодельные сабли, ножи, пики, дубинки с торчащими гвоздями... Формировались отряды боевиков, определялись первоочередные объекты нападения. Власти, охранка и полиция, выказав беспечность, не сумели пресечь тайную подготовку восстания. Сил ему добавляли происки зарубежных агентов. Поступали сообщения из полиции об активизации германских шпионов, убеждавших население, что России приходит конец в войне с Германией. Русский консул в Кульдже уведомлял о разоблачении шести засланных в уезды агентов, имевших задание от одного из тайных анархистских обществ возбуждать недовольство у населения. Тем же занимались и немецкие купцы в Пржевальске.

Нарастали волнения среди дунган. Вот что сообщалось в секретном донесении Императорского российского консульства в Кашгаре: «В Уч-Турфан прибыло более тысячи дунган. Все они враждебно настроены к русским. Высланный для возвращения их в Россию чиновник находится в опасном положении».

(Продолжение следует.)

Валентин МЕЛЬНИКОВ

ТУРКЕСТАНСКАЯ ТРАГЕДИЯ, Ч. III

Ввиду полной неожиданности и запоздалых действий властей многие русские сёла в первые же дни восстания оказались беспомощными и незащищёнными перед огромными мятежными массами. Убийство, избиение жителей, грабежи, разорение и поджоги коснулись многих сел, среди них таких цветущих, зажиточных, как Раздольное, Покровское, Кольцовка, Каменка, Долинка, Григорьевское. Сильно пострадали Рыбачье, Орловское, Юрьевское, Токмак. Дни безжалостного, бессмысленного разгрома пришлось пережить и монахам Свято-Троицкого миссионерского мужского монастыря, стоявшего на берегу Тюпского залива у Курментинской бухты. Слово «стоявшего» выбрано в прошедшем времени, потому что монастырь был ограблен, дерзко поруган и вслед за тем разрушен землетрясением, после чего не восстанавливался из-за противодействия советской власти. Ныне остались лишь отдельные монастырские постройки, в том числе большой деревянный амбар. Он всё ещё прочен, а бревна в стенах поражают молодой свежестью — ни глубоких трещин, ни тёмной трухлявости, сплошь плотная, с лёгкой рыжиной, хвойная древесина. Разгадка в том, что монастырские постройки возводились из ценного горного леса. На каждый ствол поштучно давалось высочайшее царское соизволение. Срубленные деревья конным волоком доставлялись к месту, но сразу в дело не пускались — вымачивались в исык-кульской воде и сушились особым способом.

Свято-Троицкий монастырь освятили в 1881 году. Отвели 530 десятин земли и выделили 20000 рублей из запасных средств Православного миссионерского общества. Землетрясение в 1889 году сильно разрушило его, но все монахи чудом спаслись. При содействии епископа Неофита в монастыре был восстановлен деревянный храм Одигитрии, построен ещё один кирпичный — Святой Троицы, кельи для монахов, мастерские, библиотека и школа для детей. В отстроенный монастырь приехали монахи из Валаама.

Кроме церковной службы, новоприбывшие занимались преподаванием в школе, хлебопашеством и пекарным делом, садоводством, овощеводством, пчеловодством и рыбной ловлей. Перед восстанием 1916 года в собственности монастыря были мельница, лесопилка, кузница, портняжная мастерская, скотный двор с тремястами голов скота, две пасеки, дававшие в год до 300 пудов мёда.

Что же стало со всем этим благополучием после нашествия восставших? Вернемся к монастырским стенам, к истоку событий, о которых поведал в своем дневнике настоятель Свято-Троицкого монастыря архимандрит Иринарх (Шемановский).

Ограниченные равнинные площади Иссык-Кульской котловины стопорили развитие земледелия. Пахотных земель не хватало ни кыргызам, ни русским переселенцам. Но те обладали более высокой культурой хлебопашества и быстрее осваивали возделывание полей, которые при содействии властей всё больше отходили в их пользование. Рабочих рук во многих хозяйствах недоставало, и кыргызскую молодёжь охотно брали на сезонные полевые работы, обеспечивая более высокий приработок. Так было и в Ново-Троицком монастыре.

Всё бы неплохо, но между хозяином и работниками не было человеческой близости, взаимопонимания. На работников смотрели как на безликое тягло, часто не зная ни их имён, ни способностей, и это вело к отчуждению одних от других и, как выяснилось впоследствии, к открытой вражде к русским вообще.

Во второй половине июля 1916 года монастырская братия каждый день и в полном составе отправлялась на уборку поспевших хлебов. И тут было замечено отсутствие кыргызских наёмных рабочих. Пошли слухи, что они, сев на коней, ускакали в горы. Причины этого поступка не были известны, объяснений не последовало. Потом начались разговоры об избиениях и даже убийствах русских людей, нападениях на почтовые экипажи, поджогах сёл... Действительно, на тракте не стало почтовых экипажей, осела дорожная пыль, а в одну из августовских ночей над близкими от монастыря русскими сёлами вознеслись и заколыхались багровые зарева. То горели села Фольбаумовка, Каменка, Семёновское, Григорьевское. Восставшие явились и к стенам монастыря, в котором осталось несколько иноков и послушников для защиты от разграбления монастырской собственности. В первые дни их не трогали и не проявляли грабительских намерений. Однако рогатый скот и лошадей -лучших в Прииссыккулье — угнали с собой. К тому времени большинство монастырской братии, спасаясь, успели переплыть в лодках и укрыться на недалёком, небольшом острове. Население его постоянно увеличивалось за счёт беженцев из порушенных сёл. Каждую ночь на берег отправлялись добровольцы для переправы на остров бежавших людей, поиска продовольствия и тёплых вещей. Люди голодали, давал себя знать иссык-кульский ночной холод, который к концу лета заметно усиливается. А днём все занимались обороной — рыли окопы, плели изгороди из веток кустарника и камыша, набивали патроны самодельным порохом и дробью — для имеющих трёх дробовиков; делали пики из заострённых палок. Каждый день кыргызы толпились у монастыря, никаких действий не предпринимая, а ночью скрывались. Один из монахов подслушал их разговор и узнал причину мирного отношения некоторых к монахам — противились насилию. Из-за этого едва не случилась драка между собой. Не тронули и недавно построенную монастырём школу для кыргызских детей. Наверное, понимают, заметил послушник, что значит для них эта школа: хотят быть грамотными и просвещёнными. А когда нашёл сбегавший учитель, потребовали показать, как он будет учить детей русскому языку.

Этот случай не придумка автора, не пустое украшение, а истинное наблюдение оставшегося в живых настоятеля Свято-Троицкого монастыря. Но, видно, не все были едины в своих настроениях и мыслях. Самые жестокие и хищные замучили и убили оставшихся в монастыре монахов; монастырь разграбили и осквернили. Встают ужасные картины разрушения и смерти. Ревут голодные, недоенные коровы,

по двору меж убитых хозяев бродят свиньи и куры... И всюду тошнотворный запах тления — как тут удержаться, не сойти с ума! Такую картину увидели крестьяне, приехавшие хоронить погибших в сожжённых селах Алексеевском и Фольбаумовском.

11 августа пополнившийся отряд казаков атаковал большую дружину дунган, обстрелял их, навел панику и принудил бежать в горы. За 2 дня, 15 и 16 августа, казаки сняли осаду с сел Преображенское, Сазановка, Теплоключенское и Покровское.

Восстание пошло на убыль, но остается вопрос: почему дунгане, пришлый из Китая народ с другим языком, с другими обычаями и культурой, мирные, искусные земледельцы встряли вместе с кыргызами в заведомо проигрышную затею, кровопролитное, дикое восстание, не имевшее определенных целей и программы. Вероятно, всё дело в том, что дунгане, как и кыргызы, подспудно надеялись получить побольше земли, не хотели служить в чуждой армии и слишком доверчиво поддались злостной агитации исламских проповедников и своих богатых угнетателей.

Но было и другое течение. К монастырю, где только что похоронили монахов, доверившихся восставшим, замученных и убитых ими, подъехали крестьяне и стали спокойно складывать на свои телеги чужой хлеб и оставшуюся после грабежа утварь. Когда им заметили, что грабить чужое нельзя, возразили в том смысле, что берут не чужое, а божье. И эти воры — все были зажиточными хозяевами с сохранившимися домами, тягловым и дойным скотом. Они не рисковали жизнью в окопах села Преображенского, ставшего вместе с уездным городом центром подавления мятежа. Вслед за массовым исходом кыргызов в Китай повсеместно началось самое настоящее мародёрство. Пока казаки, солдаты и мужики очищали свой уезд от мятежников, офицеры танцевали на балах и флиртовали с дамами, отставной генерал требовал прислать солдат для поиска пропавшего щенка, начальник уезда отдавал из своего кабинета ненужные команды...

Русская интеллигенция и революционные круги с сочувствием встретили восстание кыргызов, но затем перешли на позиции критики и неприятия. «Правительство было плохим колонизатором, — отмечалось в одной из прокламаций, — и за 50 лет владения краем ничего не дало кыргызам, кроме гнусного института «джигитов» — туземных опричников. Местная власть была бессовестна и разнузданна и много способствовала тому, что кыргызы восстали. Если бы они восстали против правительства, били чиновников, администраторов и т. п., то это было бы понятно, но они поднялись против такого же бесправного, такого же забитого крестьянина».

В справедливости этих слов не приходится сомневаться. Восстание действительно пошло по неверному пути, склоняясь к методам кровавого бандитизма. Это был всеобщий порыв людей, обделённых богатствами цивилизации, неграмотных и некультурных. Годами копившаяся злоба против тех, кто якобы отнял у них возможность жить в достатке, наконец, прорвалась и вышла на арену. Натешились вдоволь грабежом и насилием, и никто не задумывался о последствиях. Они не заставили себя ждать. Уже на десятый день мятежа в неблагополучные волости явились воинские команды с винтовками и пулемётами и, продвигаясь к кыргызским кочевьям, без колебаний пускали их в ход. И вот ирония судьбы! Дунгане, первыми устроившие заварушку, первыми от неё и пострадали. На места их

плотного проживания налетали конные казачьи разъезды, расстреливали и рубили шашками всех, кто не успел скрыться, поджигали дома.

В первых числах сентября 1916 года мятежники, вытесняемые войсками за китайскую границу, начали массовый исход из родных мест. Первооткрывателями опять-таки были дунгане. Им помогали родственники в Уч-Турфане, устраивали на жительство, укрывали, подкармливали.

Кыргызам было труднее: движение замедляли большие скопления скота. К тому времени было два пункта перехода в Китай. Первый: минуя нарынское военное укрепление, через долину Аксай, перевал Торугарт и верховья реки Кокшаал; второй: на юг от города Пржевальска через перевалы Бедель и Кайче, далее в Уч-Турфанский и Аксайский оазисы.

Первый маршрут ввиду близости нарынского пограничного укрепления и отсутствия пастбищ для скота мало использовался, зато второй стал основным, чему способствовала открытость русско-китайской границы, близость к ней оазисов с хорошими пастбищами. Перевал Бедель подобно бутылочному горлышку сжимал стихийный поток беженцев. Их накопилось до 30 тысяч. Забитое снегом ущелье, как молох, забирало в жертву детей и стариков. Их трупы нередко соседствовали с павшим скотом. Кому повезло — спасся, но и на благословенной земле Уч-Турфана живым недоставало приюта и еды. Для китайских властей прибытие огромного числа беженцев явилось неожиданностью. Они оказались не в состоянии ни повернуть их вспять, ни принять, ни накормить. Единственное, что сделали, - предотвратили воинской силой и нерегулярной раздачей хлеба голодные бунты доведённых до отчаяния кыргызов. Власти расселяли несчастных подальше от коренного населения — сначала в Кульджу и Чугучак, потом в глубинку — в бассейны рек Или, Текес, Кунгос и Кам. Здешние зажиточные старожилы, китайскоподданные, но с кыргызскими корнями, не проявляли жалости к соплеменникам, брали их в батраки на кабальных условиях. Если кто из новопривывших умирал от болезни или истощения, никто не оплакивал его.

Восстание было поражением с обеих сторон и не решило ни одного назревшего вопроса. Пришли не то чтобы прозрение, но страх и сожаление по поводу погубленного. Многие задумались: «А как же теперь жить с соседями, с которыми делили хлеб и посевное зерно, вместе веселились на праздниках и печалились на тризнах? Ныне соседи другие. Вооружились, готовы мстить, убивать. Из Ташкента и Верного спешат воинские команды. Очаги сопротивления жестоко подавляются. Мятежники, теряя скот и имущество, бегут на продуваемые холодными ветрами сырты — высокогорные скудные пастбища. У перевала Бедель не все уходили от преследователей, погибали от пуль. Но и на чужой территории, в Кашгарии, не встречали тёплого приёма. Местное население, кашгарские чиновники набрасывались на беженцев, забирали оставшиеся скот, ценности и даже одежду.

Однако что же по прошествии времени доносилось с сопредельной стороны, из кашгарской глубинки? В разгар миграции кыргызов там осело около 150 000 беженцев. Положение их было незавидное, не лучше, чем на российской стороне. Грабили ставшие бандитами байские наёмники -«джигиты», нищих и безответных обращали в рабство. Такое безобразия не было в интересах ни России, ни Китая. В ходе переговоров кульджинское представительство китайского центра признало, что закабаление задолженностями — главное препятствие на пути возвращения беженцев в родные края. Удалось добиться, чтобы все без исключения долги

закабалённых были предъявлены в течение двух месяцев на рассмотрение русско-китайской комиссии. Каждый долг становился предметом обсуждения, и независимо от его результатов беженцам выдавались пропуска на пересечение границы. Рабовладельцев же обязали освободить закабалённых независимо от предъявления прав на них. Помимо мужчин, в рабстве находилось и некоторое число пленённых мятежниками русских женщин, которые использовались для тайной перевозки опия в Россию.

Большинство обращённых в рабство беженцев находилось в собственности некоего спекулянта Чжень-Шоу-Ши, который разбогател путём наложения разного рода незаконных налогов (пастбищных, десятинных и т. п.). Он так обнаглел, уверился в безнаказанности, что предложил российскому торговому представительству купить у него 35 000 голов скота, отобранного у кыргызских бедняков.

Новая служба

События 1916 года застали Николаевых в Оше, куда они в начале того же года вернулись с экспедицией. Ошане не слишком сильно поддержали призывы к бунту. Казарма жила в обстановке полной боевой готовности. Штабс-капитан Алексей Николаев мало бывал дома, и Дмитрий Кузьмич не утруждал себя готовкой еды, много читал и рыбачил на Ак-Бууре.

В конце июля все мирные дела разом отошли на второй план. В воздухе запахло войной и кровью. В Семиречье стреляли и резали, а из Ташкента на подмогу спешили войска. Готовили команду и в Оше. Алексей, внимательно следивший за событиями, твёрдо решил, что не будет стрелять в народ, о чём сказал отцу, и тот одобрил решение. А мятеж мало-помалу затухал. Пошли слухи о тысячах кыргызских беженцев, направлявшихся в китайскую эмиграцию.

25 августа Алексея вызвали в штаб гарнизона и вручили письмо с печатью Министерства иностранных дел. Штабс-капитана Николаева как высокообразованного офицера, знающего к тому же четыре языка, в том числе два восточных, приглашали на ответственную службу в консульской миссии китайского Кашгара на должность драгомана (консульский переводчик и дипломат).

Служба там, подчёркивалось в письме, есть патриотический долг каждого русского офицера, и честное исполнение его послужит интересам России. Сотрудник, доставивший письмо, добавил, что о господине Николаеве весьма лестно отозвался и порекомендовал сам Терентий Ильич Зайцев, почётный член Академии наук и Русского географического общества.

— Давно ли знаете его? — поинтересовался сотрудник.

— Мой отец, Дмитрий Кузьмич, состоит в дружеских отношениях с Терентием Ильичом. Я с отцом под руководством Терентия Ильича имел честь путешествовать по горам Центрального Тянь-Шаня.

— Я так понимаю, — сказал отец, — что отказываться тебе нельзя. Езжай, но честно скажу: без тебя мне будет нелегко.

— А может, вместе поедем?

Алексей смотрел на отца и думал: «Как же я очерствел на своей службе, что не замечаю, как он постарел. Морщины, походка... Без очков ничего не видит. Прав ли я, что тащу его за собой в края, где жизнь другая и климат мало похож на ошский. Однако какая интуиция! Сразу почувствовал мои сомнения»...

— Не беспокойся, сынок, я ещё поживу и со здоровьем своим как-нибудь полажу, — сказал, поглядывая с усмешкой. — Едем, благословясь, коли начальство позволит.

— А коли не позволит?

— Позволит, позволит! Я тоже попрошусь.

Кашгар

Выехали 15 сентября. Осень выдалась мягкой. С узбекских равнин веяло тёплым духом, в полях и в садах добирали урожай. А в Уч-Турфане было совсем по-летнему жарко. День отдохнули и в нанятой пароконной повозке, наконец, домчались до места — к стоящему особняком двухэтажному зданию за высоким кирпичным забором, фасадом выходящим к скопищу азиатских домишек, называемому, как узнали позже, Старым мусульманским городом. Пройдя мимо будки охраны и через калитку, увидели большой двор с клумбами окопанных роз, триколор на флагштоке и плиту на стене у двери, удостоверяющую принадлежность здания российскому консульству. А на крыльце, скупно улыбаясь, встречал путников человек, возрастом, как определил Алексей, лет под 60, с неполной ещё сединой в жидкой причёске, с отвисающей дряблостью на щеках и на шее и рыхлостью в невысокой фигуре. Бросался в глаза усталый, измученный вид встречающего.

— Прошу ко мне, — пригласил он, первым входя в свой кабинет. — Мы не знакомы, давайте представимся. Михаил Борисович Поклонский — глава консульства. Вы? Ага, полковник в отставке Дмитрий Кузьмич Николаев Характеристики, как и следует ожидать, наилучшие. А вы, штабс-капитан Алексей Дмитриевич Николаев? Надо полагать, сын Дмитрия Кузьмича?

— Так точно.

— Характеристики тоже отличные. Направлен в качестве драгомана? Рад, рад, без вас было совсем плохо. Теперь, надеюсь, дела пойдут лучше. Но об этом завтра. А сегодня отдыхайте и располагайтесь. Есть возможность поселить вас в отдельных комнатах — решайте сами. Слава Богу, мы не стеснены в европейских удобствах. Имеется столовая, кухня, прачечная, баня, медпункт, охрана, библиотека. Нет нужды выходить в город без особой надобности, во избежание провокаций со стороны германских и турецких агентов.

Просачивались сведения о том, что беженцев, осевших в Кульдже и Чугучаке, расселяют по «глубинкам» (подальше с глаз!) — в верховья реки Или и вниз по течению других рек. Более состоятельные беженцы, сохранившие свои стада, уходят в кочевья китайскоподданных кыргызов. Часть бедных тоже оседает там, но вынуждена наниматься в батраки к богатым кыргызам и калмыкам.

В Кашгаре на консульском уровне велись переговоры с местными властями, уточнялись численность, анкетные сведения о беженцах, места их нахождения, изыскивались средства для выкупа и материальной поддержки попавших в кабалу к богатым. Убывающие обеспечивались деньгами и продовольствием из небогатых консульских фондов.

В комнату Алексея пришёл отец. Щурясь от утреннего солнца, бьющего в окно, сказал:

— Шеф зовет. Постарайся доходчиво доложить о своих походах.

Вид у Михаила Борисовича по-прежнему усталый. Под глазами мешки, хрипит.

— Вчера, говорит, выезжал по сигналу на границу. Картина, которую там увидел, удручает. Пропускают только тех, кто соглашается уплатить «налог». Деньги ссужают богатеи под расписку и под залог отдать дочь. Объясняют, что берут её в жёны, а деньги, дескать, это калым. Мы установили одного такого «мужа». Ему за 70, несчастная 15-летняя девочка будет его четвёртой женой. Но доказать ничего невозможно, уверяет, что деньги — калым за невесту, а не покупка рабыни. Относительно мужчин в ходу другой довод — отработка по долговым распискам. А знаете, кто этим занимается? Нет, не только китайские пограничники, но и частные лица, откупившие определённые участки. Они там делают что хотят. Надо по этому поводу обратиться к китайским властям. Пусть, в конце концов, наведут порядок. По нашим подсчётам, в Кашгаре находятся до 150 000 беженцев, в Илийском округе и Тарбагатае ещё 33 000. Немало их и в Уч-Турфанском, Ак-Суйском округах.

— Китайцы, — заметил Дмитрий Кузьмич, — обладают всей информацией по этому вопросу. На словах соглашаются помогать, на деле уклоняются, потому что тоже получают мзду. Кашгарский дутун — губернатор округа тоже замечен в злоупотреблениях, но китайская администрация его не трогает — невыгодно.

— Вчера я был у него на совещании, — вступил в разговор драгоман Алексей Дмитриевич. — Речь шла о репатриации. Присутствовали наш уполномоченный по иностранным делам, начальники полиции и почты, секретарь губернатора и другие чиновники, но самого дутуна почему-то не оказалось. Моё появление, по лицам было заметно, вызвало замешательство у присутствующих. Меня не ждали, думали, поговорят ни о чём и на том разойдутся. Я помешал этому намерению, сразу перешел к делу. Привёл целый список нарушений по репатриации. Смотрю, скисли, начали помаленьку соглашаться. И тут секретарь дутуна объявил, что совещание прерывается и переносится на следующий вторник. Едва вышли на улицу, прискакал дутун на своём породистом жеребце, выхватил палку у полицейского и отходил ею чиновников, кто ближе оказался. Видимо, чтоб впредь неповадно было ослушиваться его устных указаний, которые часто не укладываются в рамки закона.

— И вот что ещё позвольте сказать, Михаил Борисович. Политическая обстановка в китайских провинциях очень сложная. С одной стороны, английская и японская агрессия, с другой — поборы и мошенничество собственной китайской администрации. Как следствие, ширятся сепаратистские настроения в Тибете и Синьцзяне. Местные правители не выполняют указаний китайской верховной власти, преследуют лишь свои интересы. Обирают беженцев незаконными налогами и поборами, загоняют в ярмо батраков. При переходе границы в любом направлении тех, у кого нет скота и денег, раздевают донага либо задерживают и как должников

отдают в фактическое рабство к богатым людям — тем же кыргызам, получившим китайское подданство. Совсем беззащитны женщины и дети. Негласный запрет на выезд из Китая подкрепляется поркой ослушников, принесением клятвы над зарезанной кобылой. Любой китайский солдат, любой чиновник, байский «джигит» смотрят на переселенцев как на баранов, которых можно стричь и резать. Под нашим давлением, как вы знаете, китайцы отменили налоги на беженцев, но их укрывают от учёта, вывозят в отдалённые уезды.

Валентин МЕЛЬНИКОВ

ТУРКЕСТАНСКАЯ ТРАГЕДИЯ, Ч. IV

— И вот что ещё позвольте сказать, Михаил Борисович. Политическая обстановка в китайских провинциях очень сложная. С одной стороны, английская и японская агрессии, с другой — поборы и мошенничество собственной китайской администрации. Как следствие, ширятся сепаратистские настроения в Тибете и Синьцзяне. Местные правители не выполняют указаний китайской верховной власти, преследуют лишь свои интересы. Обирают беженцев незаконными налогами и поборами, загоняют в ярмо батраков. При переходе границы в любом направлении тех, у кого нет скота и денег, раздевают донага либо задерживают и как должников отдают в фактическое рабство к богатым людям — тем же кыргызам, получившим китайское подданство. Совсем беззащитны женщины и дети. Негласный запрет на выезд из Китая подкрепляется поркой ослушников, принесением клятвы над зарезанной кобылой. Любой китайский солдат, любой чиновник, байский «джигит» смотрит на переселенцев как на баранов, которых можно стричь и резать. Под нашим давлением, как вы знаете, китайцы отменили налоги на беженцев, но их укрывают от учёта, вывозят в отдалённые уезды.

В наречии ошских узбеков и кашгарских уйгуров Алексей заметил много сходства, и сам мог на равных общаться с местными жителями, выделяясь разве что манерами поведения и европейским костюмом. Это сблизило его с другим переводчиком

консульства, коренным кашгарцем по имени Каримжан. Он окончил русскую школу при консульской миссии, читал художественную литературу на русском языке. Жил с родителями, младшим братом и сестрой. Был холост, копил деньги на калым.

Видя интерес Алексея к традициям, обычаям и укладу жизни кашгарцев, Каримжан добровольно вызвался быть провожатым всюду, куда простиралось влечение Алексея. Для начала пошли в дом Каримжана. Он располагался в Старом городе и не очень далеко от российского консульства. Такой же приземистый, неказистый, как и большинство старогородских домов. Всё из глины — саманные стены, плоская крыша, потолок, пол. Две небольшие комнаты — спальня, помещение побольше — что-то вроде гостиной, кухня с чугунной печкой, обеденным столом, полками для посуды и отдельно для лекарственных снадобий — баночек с настойками из сушёных лягушек, ящериц и змей.

— Лечимся у знахарей и домашних лекарей, врачей нет, — сказал Каримжан, перехватив удивлённый взгляд Алексея. — Они неграмотные, но знают много хороших заговоров, изречений из Корана. В ходу талисманы от всех болезней, бед и напастей.

— А если, Боже упаси, кто-нибудь оспой заболеет?

— Такие глотают ртуть.

— Помогает?

— Не знаю, я не лекарь.

— Всё от необразованности... никакой медицины у вас нет. Ну, дорогой Каримжан, скажи, как же детей учите?

— Мальчики и девочки сидят отдельно. Учат чтению и письму на родном языке. Главный предмет — Коран. Дети заучивают наизусть арабские тексты, которые и ученики, и сами учителя не понимают. В средних медресе в программу обучения входят мусульманское богословие, арабский язык, арифметика и начала геометрии.

Выдержки

Из дневника драгомана Николаева

20 апреля 1917 года.

«Наконец, добрались до базара. Здесь Каримжану, надо думать, ничто не в новинку. Так и есть. Даже канава, забитая мусором и объедками, не удивляет его. Скученность, беспорядочность в торговых рядах такие же, как на ошском базаре. На прилавках рядом с другим добром огромные стопы лепёшек. Какие-то не очень чистые харчевни, чайханы. Тоже знакомая картина. А проходы меж рядами! Такие узкие, что две двухколёсные арбы точно не разъедутся. Каримжан слушает замечания и вежливо улыбается. Мои рассуждения, похоже, кажутся наивными. Что поделаешь, у нас всё-таки разные культурные рамки. Не сходимся. И базар как какой-то калейдоскоп (видел в Ташкенте эту игрушку). Ошеломляют суэта, азарт, разноголосье. Мелькают уличные сцены. Вон едят плов, рядом стригут, бреют клиентов, продают лепёшки, виноград; вон играют в нарды, пьют чай; из кузницы

доносятся удары молотов; снимаются мерки для пошива халатов; взад-вперёд шныряют разносчики напитков с лотками на головах; разгоняют прохожих, требуя уступить дорогу, арбакеши и погонщики ишаков. Крики, рёв, заразительный хохот, пение...

— Если есть желание что-то купить, — говорит Каримжан, — надо обязательно прицениться и поторговаться. Но всегда должен быть какой-то предел. Иначе продавец, потеряв интерес, отвернётся от покупателя как от недалёкого, чересчур скупого человека.

Улицы, прилегающие к базару, укрыты от жаркого солнца полотняными тентами и всяким тряпьем, что придаёт им нелепый вид. Всюду лавочки и чайные дома. Перед каждым заведением — маленькие веранды или навесы с лежаками, сидя на которых трудятся ремесленники, а клиенты попивают зелёный чай.

Кашгар издавна был торговым перекрёстком Азии, выставлял на свои прилавки множество товаров из разных стран. Из пределов России через перевалы Суйлок, Торугарт, Бедель, Теректы и Иркештам караваны верблюдов и лошадей доставляют в Кашгар ситцы, сукна, металлическую посуду, хозяйственную утварь, сахар... С другого конца идёт азиатская экзотика: шёлк, хлопок, кожи, ковры, халаты, обувь, кошмы, крашенная кустарная материя — мата, опиум...

— Хотел бы услышать от тебя, дорогой Каримжан, что за народ живет в Кашгаре? — спросил Алексей.

— Ты знаешь, что есть старый и есть новый Кашгар. В новом большинство — китайцы; администрация, военный люд, знать... В старом — сплошь уйгуры, к которым и я принадлежу. Нас презрительно называют сартами, неизвестно за что. Мне категорически не нравится это слово. Да, слово не нравится, но к уйгурам я питаю искреннюю любовь за спокойный нрав, бережное отношение к родителям, уважение к старшим.

— А как приезжие китайцы ведут себя?

— Они считают Кашгар неприветливым местом. Кстати, и европейцы чувствуют себя здесь отрезанными от цивилизации. Кроме того, угнетает непривычный климат. Днём, в летнюю жару температура воздуха становится нестерпимой. Люди не выходят из своих жилищ, пережидая зной в домовых ямах. Ночью температура резко падает, становится так холодно, что можно простудиться.

— Прелести климата я тоже почувствовал на себе. И общее впечатление от города так себе. 16 000 глиняных домишек. И крепостная стена со времён феодализма. Что ещё имеется?

— Ещё есть две главные улицы с потугами на Европу. Гостиный ряд, магазины, рестораны, танцклуб, молельня с цветными изразцами, публичные дома...

— Скажи, Каримжан, прав ли я по части одежды кашгарцев? Она мне не нравится. Длинные, однообразные халаты, унылые и некрасивые. У всех мягкие сапоги, ермолки, шапки. У мужчин сплошь бороды как добавление к одеянию. Разговаривая на важные темы, они их поглаживают — это вроде бы помогает думать. Женщины

вольнолюбивы; слава Богу, не закрывают лиц, не чуждаются украшений; добавляют к своему гардеробу шаровары и белые рубашки...

— Что ж, кое в чём, ты, пожалуй, прав. Но и в наши края потихоньку проникает европейская культура».

Из дневника драгомана Николаева

3 мая 1917 года.

«Надо разобраться, что же такое таинственная страна Кашгария, о которой раньше почти ничего не знал. Спасибо Каримжану — помог и в этом предмете.

Кашгария расположена в котловине между предгорьями Куньлуня. Условно эту территорию можно разделить на две части: западная — пустынная, щебнистая, лишённая растительности; восточная — достаточно увлажнённая благодаря стекающим с гор рекам. Многочисленные арыки и лёссовые отложения благотворно влияют на сельскохозяйственные культуры. В оазисах много фруктовых садов, изобилие овощей. На свободных местах — посадки пирамидального тополя, платана и тутовника. Все реки впадают в озеро Лобнор, окружённое внутренней пустыней Такла-Макан.

Оазисы — спасение Кашгарии. Крупнейшие — Хотан, Бай, Аксу, Марал-Башы, Керия. Почва лёссовая. В пустынях — галечный серозём, из растений — полынь, солончаки, чий. Унылое однообразие.

России Кашгар нужен как туркестанский коридор, выход на Восток. Здесь ключи от многих очень важных стран. Продвижение туда начали Россия и Китай, за ними последовала Великобритания. На первых порах соревнование было мирным. Предпринимались путешествия, шло этнополитическое освоение огромных территорий.

Потом пошло жёсткое соперничество.»

Из дневника драгомана Николаева

Июль 1918 года.

«Примером того, как неразумно вела себя старая власть, подступая то с одной, то с другой стороны к смягчению последствий восстания 1916 года, были уже первые, крайне неуклюжие её действия. Заблудились в способах исчисления убытков, подлежащих восстановлению за счёт государства. До восстания хозяйство с жилищем, лошадью, коровой и инвентарём оценивалось в 3 000 рублей, а после стало приравняться к 300 рублям. На эти деньги нельзя купить даже одну рабочую лошадь. Но чиновники пошли дальше. Ввели порядок, по которому даже на самую мелкую хозяйственную покупку стоимостью 10, 20, 25 рублей нужно было отдельно запрашивать финансирование у властей. Подобная опека, насаждавшаяся якобы из желания помочь крестьянину сберечь деньги (а то он по глупости потратит их Бог знает на что), распыляла средства, не давала возможности производить крупные и нужные покупки.

Непродуманное ассигнование развращало крестьян, отучало от самостоятельности, приучало ходить по канцеляриям за «способствием». А ведь всего лишь было нужно, чтобы крестьянин точно знал, что получит все причитающиеся ему деньги полностью и сразу. Только тогда он купит на восстановление порушенного хозяйства всё, что нужно, и покупка обойдётся дешевле. Впоследствии были внесены поправки в эти глупости. В целях смягчения урона от мятежа было решено выдавать пострадавшему населению разом по 500 рублей отдельно и столько же — на восстановление жилья, а возвращающимся кыргызам — по 100 рублей на каждую кибитку.

Однако угроза повторения событий не исчезла. Возвращающиеся с фронтов вооружённые семиреченские солдаты встречали могилы погибших детей, жён, родственников и порушенное жильё. Их трудно было удержать от гнева и желания отомстить. Снова закипали страсти, дело доходило до кровопролития.

Но острière возмущения постепенно меняло направление. Кыргызские бедняки — кедеи, видя бесперспективность восстания, отворачивались от байской верхушки, склонялись к мирному труду.»

Там же. Август 1918 года.

«Причины земельного конфликта 1916 года и вытекающие из него задачи точно определил В. Ленин. Он видел их «в ликвидации отношений, созданных между пришлым европейским населением и коренными народами в результате пятидесятилетней империалистической политики российского самодержавия». С присущей ему жёсткой решительностью Ленин требовал отобрать у переселенцев все земли, намеченные для них или самовольно отобранные, оставив участки в размере трудового надела.

В сумятице революционных событий и неожиданных бедствий послереволюционная временная власть, к чести её, на деле доказала, что нет более важной задачи, чем всеми силами помочь попавшим в беду кыргызам и русским крестьянам, призывала справедливо решать на основании закона споры между ними.»

Там же. Сентябрь 1918 года.

Галина

«Ох, уж эта вечерняя скука, когда нечем заняться, нет развлечений. Алкоголь под запретом, прогулки в город тоже. Но есть отец. С ним на любую тему интересно говорить. А ещё игра в шахматы, физкультурные занятия... И всё же с некоторых пор другое стало главным. Галина. Был у неё в библиотеке. Красивая и умная, как раньше не замечал? Началось с того, что однажды вечером я вдруг вспомнил, что над спальным этажом консульства есть библиотека, и отправился туда что-нибудь почитать. И там предстала фея лет 20-25. Улыбка, с которой она поглядывала на меня, была приветливой, на миг показалась даже ласковой. Я в силу мужской дурашливости чуть не взлетел к небесам. Но фея остановила новой, дразнящей, чуть насмешливой улыбкой. Я так и не понял, сколько потом ни думал, странную логику этой женской игры. Она захватывает меня всё больше. Прежде не было причины ждать с нетерпением прихода вечера. Теперь она появилась. Я влюбился и не скрываю своих чувств. Галина не отвергает ухаживания, но мало что позволяет. Я рассказал ей о себе, она о себе: папа, мама, младшая сестрёнка — все в России. В

Кашгаре оказалась из-за жениха — дипломатического работника. Готовилась выйти замуж, но брак не состоялся из-за измены будущего мужа. Сейчас не знает, где он и что с ним. В консульстве сама уже два года и в каждый думает об отъезде, но всё что-то мешает. Наверное, уедет к лету следующего года, когда откроются проходы в горах.

— А вы, Алексей, надолго здесь? — в свою очередь спросила у меня.

— Приехал по своей воле, а уеду, когда большинство кыргызских беженцев вернётся в родные места. Это наш с отцом общий выбор.

— Знаете, Алексей, я завидую вам и вашему папе. Вы военные люди, знакомы с великими путешественниками и сами совершили замечательное путешествие по горам Центрального Тянь-Шаня. От вас пахнет дымом походных костров.

— Это вы повесили портреты знаменитых путешественников?

— Да, я. А вон на отдельной полке их книги. Можете почитать.

— Почитаю, но вместе с вами, идёт?

День ото дня наши чувства всё больше становятся общими. Мы врастаем друг в друга всеми атомами и клетками тела. Радуга чувств нежными, чистыми красками ослепила нас, едва начавших понимать, какой возвышенной и красивой может быть молодая любовь. Мой пристрастный взгляд с радостью подмечает, как прекрасна и изящна моя возлюбленная, как естественна её грация во всём — во взгляде, в наклоне, повороте головы, в движениях рук, в гибкости стана.»

От автора

Консульство устроило всё, что положено на свадьбе; гости откушали яств, покричали «горько», потанцевали под патефон и разошлись. Галина перешла жить в комнату Алексея, вместе с ним потихоньку обихаживает семейную жизнь.

В одну из ночей, когда плотная тьма придавила Кашгар, на первом этаже консульства раздался звон разбитого стекла. Прибежавший охранник обнаружил осколки оконного стекла и бутылку с керосином. К счастью, жидкость не загорелась, так как бутылка упала на диван и осталась цела.

Гадать, что это было: простое хулиганство или террористический акт? — не приходилось. В консульстве знали точный ответ: террор против красных. Канцелярия дутуна, городская газета и феодальная знать с некоторых пор стали распространять чудовищные измышления о злобных интригах русских дипломатов, призывают изгонять их из лона Аллаха.

Не надеясь на вмешательство властей, консульство приняло собственные охранные меры: организовало поочерёдное дежурство сотрудников.

Ночь, выпавшая Алексею, принесла хороший результат. В ночной тьме появился некто и направился к зданию консульства. Алексей настиг, когда тот доставал гранату из кармана куртки. Выстрел в воздух из револьвера, короткая схватка,

помощь подбежавшего охранника, и злоумышленник повержен. В его кармане нашли револьвер.

Кыргызских беженцев поразили ещё две беды — эпидемия тифа и джунт — бескормица скота. Массовый падёж его и эпидемия погнали людей прочь от неприветливых кашгарских гор и степей. Возвращение домой стало более организованным и успешным; усилилась консульская поддержка. Непосредственную организацию возвращения бежавших в Китай взяла в свои руки созданная при СНК РСФСР Центральная комиссия по реэвакуации, преобразованная вскоре в Особую комиссию, которой целевым назначением было выделено 100 миллионов рублей.

В сентябре 1919 года советские войска Туркестанского фронта смели белогвардейскую блокаду и восстановили связь с Москвой, благодаря чему помощь кыргызским беженцам стала постоянной и интенсивной.

Но главное, что самостоятельно пробивало себе дорогу, это то, что в народе росло понимание необходимости межнационального сближения. В январе 1918 года в Пишпекском уезде около 400 кибиток соединились с русскими жителями села Юрьевского; в марте того же года 80 русских хозяйств добровольно решили жить вместе с кыргызскими дыйканами. И такие примеры множились с каждым днём.

Последняя страничка дневника. 5 октября 1919 года.

«Внешне всё идёт своим чередом, и по-прежнему у нас много работы. Выполняем её спокойно и методично, без оглядки на события в России. Революция победила, советская власть упрочается повсюду и противодействовать бесполезно. Старая власть прогнила и рухнула. В прежнем виде ничто не сможет удержаться — ни архаичное сословное деление, ни европейский «подправленный» капитализм. А что впереди? Трудно сказать. В одном твёрдо убеждён — нет восстаниям в любом виде, ни в буржуазном, ни в социалистическом, нет и гражданской войне. Наша долгая командировка в Кашгар, по всей видимости, заканчивается. Надеюсь, что и впредь к нам будет лояльное отношение. Но полной уверенности нет. Чувствуется недоверие. Всё-таки царские офицеры. Теперь чуть ли не каждую неделю требуют письменных отчётов по всем вопросам. Можно, конечно, списать это ковыряние на счёт недостаточной компетентности работников Наркоминдела. Но как отнестись к отставке Михаила Борисовича? Формулировка — по состоянию здоровья, а на самом деле — недоверие как к представителю дворянского рода.

Вернулись на Родину беженцы, пора и нам собираться в дорогу. Путь — в Ош, где наш дом, друзья, знакомые люди и привычные традиции. Остались ли они? Радуюсь, что со мной отец и моя ненаглядная Галочка...»

Валентин МЕЛЬНИКОВ.